

Л. В. СОКОЛОВА

Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском

Повесть об Аполлонии Тирском,¹ восходящая к эллинистическому роману II—III в. н. э., пришла в русскую литературу в XVII в. Она была переведена с польского языка в составе сборника «Римские деяния». На русской почве повесть, выделившись из состава «Римских деяний» (далее: РД), претерпела настолько существенные изменения, что о двух русских редакциях исследователи долго говорили как о двух переводах, причем даже с разных языков: с польского (о повести в составе РД или выписанной оттуда) и с чешского (о тексте, отличном от входящего в РД и встречающемся исключительно вне состава РД: в отдельных списках или в составе литературных сборников непостоянного состава). Проведенное нами сравнение чешской и польской редакций с двумя русскими текстами подтвердило мнение чешских ученых М. Мурко и Ю. Поливки,² что был один перевод повести на русский язык, и именно в составе РД.³ К тексту, входящему в РД,⁴ восходит и текст, отличный от него, опубликованный по одному из списков Н. С. Тихонравовым.⁵ Это две русские редакции XVII в. Повести об Аполлонии Тирском. Мы будем называть эти редакции соответственно редакцией РД (далее: ред. РД) и Тихонравовской редакцией (далее: ред. Т). Название «Тихонравовская» принято в связи с тем, что эта редакция была известна в литературе преимущественно по публикации Н. С. Тихонравова, хотя список, положенный ученым в основу публикации, не является лучшим ни по древности, ни по качеству текста.

В XVIII в. и та и другая редакции продолжали переписываться, на их основе возникали новые переработки, которые довольно устойчиво делятся на две группы в зависимости от того, к какой редакции они восходят.

¹ В русских списках повести, так же как в польских и чешских, главный герой носит имя «Аполлон». Тем не менее по традиции русских и советских медиевистов мы будем называть его «первоначальным» именем — Аполлоний, которое читаем в латинской редакции.

² J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském. — In: Drobné příspěvky literárně-historické, č. I—IV. Praha, 1894; M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — Arch. f. slavische Philol., Berlin, 1892, Bd 14, H. 3. Позднее к их мнению присоединился и Н. Нильсон: N. A. Nilsson. Die Apollonius-Erzählung in den slavischen Literaturen. — Труды по славянской филологии, изд. русским институтом при Стокгольмском университете, т. 3, Uppsala, 1949.

³ Подробней об этом см.: Л. В. Соколова. Об источнике перевода повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 342—355.

⁴ См.: Римские деяния (Gesta Romanorum). ОЛДП, вып. V. СПб., 1877, с. 1—61.

⁵ Н. С. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Летопись русской литературы и древностей, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

В данной статье мы остановимся на сопоставлении двух первых русских редакций повести, стремясь охарактеризовать те изменения, которые внес в текст ред. РД создатель ред. Т.

О различии указанных редакций писали Ю. Поливка, М. Мурко, касался этого вопроса также Н. Нильсон. Тем не менее изучение данного вопроса нельзя считать законченным.

Работа Ю. Поливки⁶ в основном лишь устанавливает сумму отличий двух редакций. Автор не «всматривается» в редакционные изменения, не анализирует их. М. Мурко,⁷ как бы продолжая работу Ю. Поливки, пытается классифицировать изменения, внесенные в текст повести создателем ред. Т. Он выделяет частичную русификацию и христианизацию повести, кроме того, отмечает стилистическое своеобразие новой редакции: детально анализирует церковнославянский язык этой редакции, указывает на характерные для этого текста синонимические ряды и плеонастические выражения.

Но стилистическое своеобразие ред. Т нельзя свести только к указанным языковым особенностям. Автор пересказывает произведение не просто другим языком, но и в иной стилистической манере, с ориентацией на определенные литературные каноны своего времени. Кроме того, анализируя язык повести вне «стилистической системы»⁸ произведения, автор не всегда видит художественное назначение языковых средств.

Это побуждает вновь вернуться к рассмотрению различий двух русских редакций XVII в. Повести об Аполлонии Тирском. Мы охарактеризуем идеологическую позицию автора ред. Т и отметим некоторые стилистические особенности этой редакции.

Прежде всего о том, что М. Мурко назвал христианизацией повести (*Die Christianisierung des Werkes*).

Правильнее, на наш взгляд, говорить не о христианизации произведения, а о привнесении в текст языческой в своей основе повести новых (по сравнению с ред. РД) христианских мотивов и элементов.

Вкрапление в текст «христианских» добавлений началось еще в латинской «Истории».⁹ В западнославянских редакциях повести хотя и были значительно сокращены языческие элементы, основа повести осталась языческой, поэтому и здесь наблюдается смешение христианских и дохристианских мотивов. Русский переводчик (ред. РД) передает эту двойственность понятий и представлений. Но свое христианское мировосприятие он выражает в конце повести следующим замечанием: «Сие было до воплощения господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, егда идола почитаемы были от язык» (ред. РД, с. 61).¹⁰

В ред. Т значительно возрастают христианские мотивы, а также активизируется христианская позиция самого автора. Она выражается, например, в авторских «комментариях», подчеркивающих дохристианское время действия в повести: «... понеже [бе] тогда безбожное время, сквернии [бо] идоли почитахуся, вси же творяху по воли своего сердца, скотски [лагодящи] своей плоти» (с. 7); или: «... понеже в то время многобожие

⁶ J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi...

⁷ M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus...

⁸ И. П. Еремин. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. — В кн.: Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1960, с. 237.

⁹ См. об этом: Т. И. Кузнецова. Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского». — В кн.: Античный роман. М., 1969, с. 140—141.

¹⁰ Здесь и далее текст ред. РД цитируется по указанному изданию ОЛДП. Текст ред. Т цитируется далее по указанному изданию Н. С. Тихонравова. В единичных случаях и в тот и в другой текст вносятся необходимые исправления по другим спискам. Такие исправленные слова выделяются квадратными скобками.

бысть, и чистыя вдовы вместо [жрецов] (се есть попов) [употребляху]» (с. 20).

Дохристианское время действия в повести автор подчеркивает также заменой определения «греческий», относящегося к царю Антиоху, на «еллинский», которое имело дополнительное значение — «языческий».

Интересна и замена общехристианских и католических обозначений храма (и в том и в другом случае следов западноевропейской обработки повести), а также слова «боги» на соответствующие слова-синонимы со стилистической окраской, служащие для обозначения языческого храма и языческих богов, например: «храм идольский» (ред. Т, с. 8) вместо «костел» (ред. РД, с. 5), «кумирница» (ред. Т, с. 30) вместо «божница» (ред. РД, с. 57), «кумирам» (ред. Т, с. 31) вместо «богам» (ред. РД, с. 58), и т. д.

И тем не менее, вполне сознавая и даже подчеркивая, что действие повести происходит во времена язычества, автор ред. Т вводит в текст новые мотивы христианства. Рассуждениям и поступкам героев он придает христианский характер. Так, если в ред. РД говорится лишь, что Аполлон, получив в Тарсе известие о смерти дочери, сильно опечалился и покинул город, то в ред. Т добавлено к этому, что перед отъездом из Тарса Аполлон «разда скудетствующим много злата в милостыню по дщери своей» (ред. Т, с. 25). Тарсиса, жалуясь в причитаниях на свою судьбу, в ред. Т говорит о том, что она предпочла бы ожидающему ее бесчестию смерть, если бы не боялась «суда самоубийц» (ред. Т, с. 29). Вероятно, речь здесь идет о Страшном суде и тех муках, которые якобы ждут самоубийц.

Психологические обоснования поступков или душевного состояния, присутствовавшие в ред. РД, заменяются в ред. Т ссылкой на вмешательство дьявола. Вот несколько примеров.

В ред. РД Тарсиса, уговаривая Аполлона преодолеть свою печаль, мотивирует это так: печаль губит человека, поэтому, как пишут философы, мудрый человек должен уметь справиться с ней, надеясь на лучшее и помня, что печаль сменяется радостью. В ред. Т печаль — дьявольское наваждение, а ссылка на высказывания философов заменяется ссылкой на «писание», которую читатель был вправе понять как традиционную ссылку на Священное писание: «Здрав буди, человеце славный и государю добрый, да будет печаль твоя далече от тебе, рече бо ся в писании: муж мудр укрепляет свое сердце, да не внидет пакостник ума унынием, иже его омрачает и в конечную погибель отсылает. Мудрыя бо притчи располагают и многа жития предразумевают» (ред. Т, с. 26—27).

Христианская позиция отличает и некоторые авторские сообщения. Если в ред. РД говорилось, что после смерти жены «от тое тоски впала мыслию в сердце его (Антиоха, — Л. С.) красота дщери его, и нача дщерь свою любити...» (ред. РД, с. 3), то в ред. Т это влечение Антиоха объясняется кознями дьявола: «И в том стужении впаде ему от дьявола в сердце злая мысль о дщерине красоте» (ред. Т, с. 7).

Аналогично и в другом случае: согласно ред. РД, увидев дочь, Антиох поразился ее красоте «и от великой радости пал взнак на землю» (РД, с. 6). В ред. Т иначе: «И в таковой красоте видево ю царь, отец ея, таковым желанием от врага уязвися, яко от разгорения паде на землю» (ред. Т, с. 8).

Отметим также замену мн. ч. «боги» на ед. — «бог» (везде, где это позволяет текст), а также дополнительно вставленные автором ред. Т обращения героев к единому богу и ссылки на него, например: «Отче мой, да весть твоя любовь, яко завещахся пред богом ждати моего государя, великаго короля Аполлона, в чистоте» (ред. Т, с. 20); «О человеце, убойся бога великаго пролити кровь безвинные девицы, иже отмщения не будет»

(ред. Т, с. 22), и т. п. Но в сцене жертвоприношения в Ефесе мы находим языческое «боги»: «Милостивые божи» (с. 31); «...даю сие приношение богом» (с. 31); «...хваляю вас, божи» (с. 31) и т. д.

Иногда соединение языческих элементов с христианскими встречается даже в одной или в соседних сценах, например: граждане Ефеса, язычники, вслед за сценой жертвоприношения Аполлона в храме, прославляют тем не менее «бога всемогущего», узнав о встрече Лучницы со своим супругом. Отметим, что в ред. РД в соответствующем месте говорится о «пировании по всему граду с различными потехами».

Подобные противоречия в повести наглядно показывают непоследовательный характер ее «христианизации». Автор не христианизует повесть в строгом смысле этого слова, что мы видим, например, в другой переработке текста РД (список ГПБ, О.ХV.5), а лишь, как бы забываясь порой, наделяет героев чертами, типичными для христиан, или сам рассуждает с христианских позиций.

Иначе обстоит дело со стилистической переработкой повести. Она проводилась последовательно и целенаправленно.

Перевод повести относился к числу пословных, причем отдельные слова остались без перевода. Поэтому текст нестрелл разного рода полонизмами, лексическими и синтаксическими. Перед составителем ред. Т стояла задача приблизить текст к русскому читателю, как бы «завершить» начатый перевод. Но он отнюдь не ограничился этим. Следуя в изложении событий за своим оригиналом, древнерусский книжник пересказывает текст в иной стилистической манере, «улучшая» его в соответствии с литературными тенденциями своего времени, следуя литературным традициям, постоянно встречающимся в произведениях древнерусской литературы рассматриваемого периода независимо от жанра. Поэтому стилистическое своеобразие Тихонравовской редакции интересно не только для изучения литературной истории Повести об Аполлонии Тирском, но и для характеристики стилистических особенностей других произведений XVII в., написанных или пересказанных в том же стиле.

Итак, что же именно характеризует стиль ред. Т? Начнем с характеристики языка. Как уже указывалось, ред. РД — это пословный перевод повести на русский язык, содержащий немало лексических и синтаксических полонизмов. Автор же ред. Т пересказывает повесть церковнославянским языком, языком «высокой», церковной литературы. Такой способ изложения хотя и не характерен для светских повестей XVII—XVIII вв., но не является индивидуальной особенностью нашей повести. Аналогичное явление отметила, например, В. Ф. Покровская, описывая одну из русских редакций рыцарского романа о Петре Златых Ключей, имеющую самостоятельное название — «Повесть о Бруне». Она отмечала, что «языковая форма, в которую облечено повествование, полна своеобразия и поражает какой-то особой архаичностью лексики и синтаксических построений, свободно и непринужденно выдержанной от начала до конца. Обильные церковнославянизмы, глагольные формы далекого прошлого истории русского языка, двойственное число, дательный самостоятельный и т. п. встречаются на каждой строке».¹¹

Другая и главная особенность языка ред. Т — до предела повышенная эмоциональность, экспрессивность в отличие от более «эпического» повествования ред. РД.

Здесь широко употребляемы такие стилистические фигуры эмоционального стиля, как риторические восклицания и риторические вопросы.

¹¹ В. Ф. Покровская. Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии. (К истории переводной литературы XVII века). — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, с. 184.

Иногда они выстраиваются в целые ряды параллелей, в которых риторические восклицания чередуются с риторическими вопросами.

Вот внутренний монолог Феофила, которому приказано убить Тарсису: «О злочастный и бедный рабе! В кий час ты родися, яко в таково зло вдан бысть? О стужение злое и печали полное! Како ми и за какую вину убити такуюю девицу прекрасную, и благородную, и благоразумную и пролити кровь неповинную?» (ред. Т, с. 22).

А вот причитания Тарсисы: «О боже, боже мой! Како мя прегорькую и злочастную в злых моих оставил мя еси? О случаю злополучный, немилостивый! И како на мя испустил еси своя стрелы и злосердым копием пробол еси мое сердце? . . . Почто ми, боже, родитися попустил еси и родившуюся почто с матерью моею в море не ввергоша? . . . » и т. д. (ред. Т, с. 23).

Очень характерным является для ред. Т прием «нанизывания синонимов», также призванный усилить эмоциональность изложения. Он будет рассмотрен ниже в связи с другой стилистической особенностью ред. Т.

Следующая особенность языка ред. Т — ритмическая организация текста и глагольная рифма, возникающие, как правило, в речах персонажей. Например:

«Лутче ми не точию женою,
ниже кралевною слыти,
нежели при твоей воли быти» (ред. Т, с. 7).

«Тако убо цесарь нача дщерь свою любити,
яко ни мало времени возможе без нея быти» (ред. Т, с. 7).

«Аще же волку свою сотвориши,
к тому мя живу не узриши» (ред. Т, с. 7).

«Кто печальну человеку беды его воспоминает,
той пребольшее сокрушение сердцу его прилагает
и болезнь обновляет» (ред. Т, с. 26).

Интересно, что в одной из редакций чешской повести А. Брюкнером также была обнаружена глагольная рифма.¹² Он даже ставит вопрос о стихотворном оригинале, но отвечает на него отрицательно, приходя к выводу, что перед ним — рифмованная проза.

И наконец, отметим в ред. Т различные аллитерации, единоначатия, являющиеся принадлежностью экспрессивно-эмоционального стиля и восходящие к стилю «плетения словес». Эта звуковая игра хотя и встречается в нашей повести, не является характерной для нее. Здесь видим лишь самые элементарные ее проявления:

«О презлое злоключение мое!» (ред. Т, с. 29).

«Почто мя на свет породила и по рождению почто не ввержена
вкупе в море с тобою?» (ред. Т, с. 29).

Рассмотрим теперь некоторые стилистические особенности Тихонравовской редакции, характерные для более широкого круга произведений русской литературы XVII в.

Во-первых, это тенденция к «ращению словес» (в качестве термина мы используем выражение одного из древнерусских книжников). Проявляется она в стремлении к словесной полноте произведения, к его «словесной сытости», по выражению Елифания Премудрого. Но эта тенденция ред. Т вовсе не является стилистическим подобием «плетения словес», хотя и имеет с ним, видимо, генетическую связь.

¹² А. Brückner. Böhmische Studien. Abhandlungen und Texte. — Arch. f. slav. Philol. Berlin, 1886, N 11, H. 1, S. 87—88.

«Ращение словес» происходит, во-первых, за счет плеоназма. Здесь можно отметить такие его проявления, как прием «нанизывания синонимов» и тавтологические обороты, усиливающие эмоциональность повествования.

Прием «нанизывания синонимов» заключается в частом и при этом целенаправленном использовании синонимических рядов, которые создаются двумя путями: добавлением к имеющемуся в тексте слову его синонимов или перестройкой предложения (например, заменой подчинения сочинением), в результате которой образуется синонимический ряд.

В ред. РД читалось, например: «Тогда королева начаша... велики плакать и закричала гласом великим» (с. 6). В ред. Т текст изменяется: «Цесаревна же нача горько рыдати, и плакати, и вопити великим гласом» (с. 8).

На этом примере можно увидеть сразу оба способа образования синонимического ряда: к слову «рыдати» добавляется его синоним «плакати»; слово «закричала» заменяется словом «вопити», синонимичным двум первым глаголам, но сохраняющим и значение замененного слова. Кроме того, меняется и грамматическая форма: глагол «вопити» употреблен в инфинитиве, тогда как слово «закричала» стояло в прошедшем времени.

Приведем пример плеоназма другого рода. В ред. РД читаем: «Тогда Тарсия долго жаловала мамки своей и взяла за обычай, что как скоро пришла из школы, никогда не ела, дондеже прежде бывает на мамкине гробе и там плакалась горько о мамке своей милой...» (с. 35). В ред. Т горе Тарсисы описывается иначе. Первая фраза приведенного описания: «Тогда Тарсиса долго жаловала мамки своей» передается следующим образом: «Тогда Тарсиса нача горько рыдати отца своего, и матери, и добрыя своя мамы. И по мнозем неутешном плачи погребу ю близко моря». Вторая фраза ред. РД «... и взяла за обычай, что как скоро пришла из школы... плакалась горько о мамке своей милой» передается в ред. Т так: «... и положи завет себе входя и исходя от училища над гробом ея плакати». А далее еще две фразы варьируют эту мысль: «И тако шествуя в училище, такоже и исходя, рыдая и плача над гробом Лигории... И тако всегда в сокрушении бе и печали безмерней» (с. 21).

«Ращение словес» происходит в ред. Т также за счет стремления к словесной насыщенности предложения. Автор добавляет все возможные в данном контексте определения, дополнения, обстоятельства.

В ред. РД читаем, например, такую фразу: «Князь Антагор утешал ю, глаголя...» (с. 42). В Тихонравовской редакции повести эта фраза, вводящая прямую речь в текст, значительно разрастается: «Князь Антагор премудрый умилися к жалостному ея молению и рече ей с честью словеса утешительная...» (с. 24). Фраза из пяти слов становится фразой из пятнадцати слов. Здесь добавлены определения лиц и их действий: князь Антагор — премудрый, моление — жалостное, рече — с честью, словеса — утешительная.

Диктуются ли потребностями смысла эти добавления? Едва ли. Добавляются самые трафаретные, стереотипные, «постоянные» определения, иногда даже не совсем подходящие в том или ином контексте (вместо определения «премудрый» уместнее было бы «милосердный» или «добронравный»), в другом случае подобные добавления порождают тавтологическое сочетание («жалостное моление»).

Следовательно, это стремление к лексическому богатству предложения, а не к его семантической полноте.

Отметим, что многочисленные оценочные определения добавляются и в обращения. Проиллюстрируем это несколькими параллелями из текста обеих редакций.

В ред. РД читаем такое обращение короля Аполлона к Антиоху: «Здрав буди, Антиоше, королю и цесарю неодолеемый!» (с. 8). В ред. Т это обращение превращается в похвалу царю Антиоху: «Здрав буди, благополучный, и славный, и великий, и пресильный цесарю Антиоше!» (с. 9).

А обращение Лучницы к своему супругу: «Королю Аполлоне!..» (ред. РД, с. 59) заменяется в ред. Т таким метафорически-галантным обращением: «О предрагий мой свете и прелюбезный государю, кралю Аполлоне!» (с. 31).

«Ращение словес» вызывается также стремлением автора ред. Т объяснить мотивы и цели поступков персонажей, желанием дополнить, разъяснить какие-либо сообщения. При этом, как пишет Р. Б. Тарковский, отмечая аналогичное явление в русских редакциях первого перевода басен Эзопа, «... все такие включения... предельно стереотипны и самые ближайшие, какие только могут подсказываться ситуацией».¹³

Например, фраза ред. РД «бысть яко мертва» поясняется в ред. Т следующим образом: «Никоим же удом подвижена, ниже дыхание в ней обретеса» (с. 17).

В ред. РД сказано, что купивший Тарсису у разбойников содержатель публичного дома «ввел ю в дом свои ко иным девицам-полоянкам» (с. 39). В ред. Т добавлено к этому: «... нечестнаго ради своего и злаго прибыточества» (с. 23).

Вторая стилистическая особенность ред. Т — принцип «максимализма».

О. В. Творогов, предложивший этот термин при анализе стилистических особенностей «Сербской Александрии», писал: «Суть этого приема в том, что автор с помощью устойчивых эпитетов подчеркивает необыкновенную силу чувства (радостен зело, печаль велика), грандиозность события (сеча зла, победа велика) и т. д.»¹⁴

«Максимализм», который перерастает, на наш взгляд, рамки конкретного приема и является одним из основных принципов, тенденций этого стиля, можно условно разграничить на предметный максимализм, максимализм описаний и максимализм изображений.

Предметный максимализм заключается в стремлении автора подчеркнуть многочисленность (а точнее, бесчисленность), обилие каких-либо предметов. Так, вместо фразы РД «И тако повеле Аполлон полной корабль пшеницы насыпать и немало злата и сребра и риз драгих взявше» (с. 12) в ред. Т читаем: «... повеле корабль насыпати пшеницы многое множество, взя с собою злата и сребра бесчисленно и драгоценных вещей» (с. 11). А фраза ред. РД «... и дал ему великое (из польского wielki — большой, — Л. С.) имение» (с. 61) передается в ред. Т следующим образом: «... и даде ему премногие дары и обогати его зело» (с. 32).

Максимализм описаний проявляется в ред. Т в экспрессивности характеристик, в стремлении автора подчеркнуть необыкновенность и исключительность качеств, чувств, а также значительность, величие со-

¹³ Р. Б. Тарковский. Эстетическая ассимиляция басенного жанра. (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 213.

¹⁴ О. В. Творогов. Стилистические особенности романа об Александре Македонском. — В кн.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., 1965 (серия «Литературные памятники»), с. 182.

бытий с помощью определений. Определения в ред. Т не случайно поэтому выражаются прилагательными превосходной степени: «превозрастен», «прелюбезна», «превеликих родов чада», «премудрая и прекрасная», «пресияющую красоту», «пресветлое лицо» и т. д. В этом же ряду оказываются и такие слова как «великосильный», «многославутый», «неизреченный» и под.

Но нередко автор находит нужным даже к определениям подобного рода добавить усиливающие обстоятельства степени — «зело» или «вельми»: «зело премудрая и прекрасная» — сказано о жене Антиоха; «вельми прекрасная» — так охарактеризована Лучница. Ср. также «вельми красна», «печальна зелено» и мн. др. Столь же показательны для характеристики «максимализма» в повести определения отвлеченных понятий с помощью прилагательных «великий», «велий», «зельный»: «великая радость», «в славе велицей», «велий срам», «веселие велие», «глад велий», «зельная печаль» и т. д.

Необыкновенную силу чувств, их исключительность автор характеризует не только через эпитеты, но и создавая экспрессивные сцены, в которых герои проявляют глубину своих чувств. Это максимализм изображений.

Так, например, Лучница укоряет Аполлона за его намерение покинуть ее: «И то так не станется, — говорит она в ред. РД, — где ты будешь, там и аз буду» (с. 26). Создатель Тихонравовской редакции добавил к этому: «Аще ли не возьмешь, то сама зую» (с. 17). Если в ред. РД Лучница лишь выражает готовность повсюду следовать за мужем, то в ред. Т героиня скажет: «Готова есмь с тобою и умерети» (с. 16).

Или такой пример. В знак печали по умершей жене Аполлон дает обет 9 лет не выходить из корабля. В Тихонравовской редакции он обрекает себя на 20-летнее плавание. И еще один интересный пример. Радость Аполлона, нашедшего свою дочь, описывается в РД весьма сдержанно: «Восташе, мило обнял ю и закричал, яко лев, великим гласом, глаголя: „Идите, мои милые приятели, веселитесь со мною, ибо дочь мою погубиющую обрел еси“» (с. 55—56). Составитель ред. Т описывает эту сцену более подробно и с повышенной эмоциональностью, стремясь тем самым показать необычность, исключительность охватившего героя чувства: «Аполлон возрев, яко лев, воплем крепким горько возрыдав, паде на дочь, яко бездушен, и много вопия, рыдая. Егда же укрепися, зря дочь, известуяся о ней, обымая и лобзая ее и от радости в познании, от слез же в злоключениях, недоумеая, что глаголати, возопи же гласом великим: „Приидите, братия моя, и друзи, и бед моих сострадалицы! Возвеселитесь со мною днесь, понеже возлюбленную мою единородную дочь, юже погубих, обретох“» (с. 29—30).

Отметим, что принцип «максимализма» характерен и для ред. РД, но в гораздо меньшей степени. Здесь мы встречаемся преимущественно с максимализмом описаний. Этого рода «максимализм» не чужд и польской повести, но в еще меньшей степени.

И наконец, третья стилистическая особенность ред. Т — драматизация повествования.

Иногда она достигается введением кратких, типа ремарок, указаний на действия, жесты или мимику героя. Так, перед ответом Аполлона на загадку Антиоха составитель ред. Т добавляет от себя: «Слышав же Аполлон таковое гадательство, поддержа лице свое дланию, бысть бо яко во ужасе» (с. 10).¹⁵

¹⁵ Как отмечает А. С. Демин, подробное описание движений, поз и жестов было новой стилистической особенностью изображения человека в литературе XVII в.,

Чаще же драматизация повествования усиливается за счет более подробного, чем в РД, описания происходящего, введения новых диалогов, указания на действия и поведение героев при этом, которые автор вводит, стремясь к большей эмоциональности повествования. В результате в ред. Т больше появляется «сцен», в которых герои действуют и говорят, заменивших авторские сообщения о происходящем в ред. РД.

Так, в ред. РД после сцены оживления Лучницы следует краткое сообщение о ее полном выздоровлении и о том, что врач Тиримон удочерил ее: «По малом времени исцелела от той немощи та королевна и была такова прекрасна, что ее чудности всяк дивовался, увидев ю. Мистр Церимон взял ю себе за дочь» (с. 32). В ред. Т этот эпизод драматизирован, введен диалог между врачом и Лучницей, при этом указывается, что Лучница неутешно рыдает, а Тиримон утешает ее: «Другую же тысящу златых положи кралевне и рече: „Радуйся, здрава [будучи], великая кралевна!“. Она же рече, слезящи: „Здрав буди и ты, живородателю мой, и приими мя, сиротствующую и вдовствующую в чадо свое, яко есть великочестна роду и царская жена; что же ми бысть — не вем, и где супруг мой возлюбленный“. Тиримон же утешая ю словесы и различными повестыми, она же неутешно рыдая. Живши же ей ту многое время, дохтур же Тиримон име ю яко свою дочь» (с. 19—20).

Еще один пример. В ред. РД читаем: «И жертвовал Аполлон златой венец, что обрел дочь свою, дочь же его, Тарсия, такожь принесла на жертву златую коруну, яко обрела отца своего милого» (с. 57). Намного подробней изложен этот эпизод в ред. Т. Здесь не только вводится прямая речь, не только описываются действия героев, но, что особенно интересно, характеризуется душевное состояние персонажей во время этой сцены: «Егда же к ней Аполлон, яко первейшей властелине, прииде и предаде ей венец [злат] в приношение кумиром, глаголя: „Мати великая, помолися; даю сие приношение богом, яко дочь мою возлюбленную обретох сию“, — и указав ей на Тарсису. Она же восприимше венец, возложи на главу свою, сама же с пренежением едва от слез удержася. Прииде же и Тарсиса, подаде другий венец златый, глаголя: „Приими сие, честнейшая, в дар, яко даде ми вышний промысел обрести прелюбезнаго отца моего“» (с. 30—31).

Итак, для Тихомировской редакции Повести об Аполлонии Тирском, возникшей в XVII в. в результате переработки древнерусским книжником русского перевода повести, характерны более христианизированная позиция пересказчика и такие стилистические особенности, как использование церковнославянского языка, языка «высокой», церковной литературы, повышенная эмоциональность повествования, тенденция к «ращению словес», т. е. стремление к словесной полноте произведения, принцип «максимализма», выражающийся в стремлении к напряженности повествования, к экспрессивности, эмоциональности характеристик и повествования в целом, и, наконец, драматизация изложения, возникающая в результате более подробного, детального изображения происходящего, введения в текст новых эпизодов и подробностей, а также речи персонажей.

Подобные явления, в частности до экзальтации повышенная эмоциональность, экспрессия повествования, стремление к словесной полноте произведения, частое использование приема «нализывания синонимов»

см.: А. С. Демин. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977, с. 42—57.

и т. д., были отмечены Д. С. Лихачевым как принадлежность экспрессивно-эмоционального стиля конца XIV—начала XV вв.¹⁶

Каково же в таком случае взаимоотношение двух этих стилей?

Вопрос этот пока не решен. Видимо, эмоциональный стиль беллетристических и исторических произведений XVII в. имеет только генетическую связь со стилем «плетения словес». Мы обнаруживаем здесь многие приемы последнего, но уже сильно формализовавшиеся и являющиеся его слабым и часто плохим отображением. Так, многочленные синонимические ряды у Епифания Премудрого, его напряженные поиски слова были оправданы. По словам Л. А. Дмитриева, это «не плетение ради плетения... за этой риторичностью лежит глубокое, искреннее чувство любви и восхищения автора своим героем».¹⁷

В Тихомировской же редакции Повести об Аполлонии Тирском прием «нанизывания синонимов» употребляется ради красоты слога, как ее понимали книжники XVII в., и «ращение словес» происходит ради самих словес, а не их смысла. Восторженные или умилительные характеристики персонажей (почти не отличающиеся друг от друга) вызваны не столько восхищением автора героями, сколько стремлением придать своим произведениям более литературный характер, выдержать их в том стиле, который был каноном для составителя ред. Т.

Подводя итог, отметим, что переработка, которой повесть подверглась под пером русских книжников XVII в., преследовала не только ограниченную задачу русифицировать язык произведения, но и существенно изменить поэтику повести, приблизить ее к литературному стилю русских произведений XVI—XVII вв. В той же литературной манере были переработаны и некоторые другие повести — Повесть о Бове, Повесть о Петре Златых ключей.

На страницах этих повестей уже в XVII в. перед русским читателем раскрывался новый «литературный мир», в котором движущими силами являлись не столько военные перипетии или исторические события, сколько частные судьбы героев и их чувства. Правда, герои эти и несут на себе печать некоей «историчности» — это все короли далеких стран, но не их общественное положение и не их государственные деяния вызывают интерес к ним читателя, а их удивительные судьбы, радости и горести, которые выпадали на долю любящих и разлученных героев.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 86—91, 114—118.

¹⁷ Л. А. Дмитриев. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 80.